

Глава 12. Борьба с коррупцией

Когда правительство ПНД пришло к власти в 1959 году, его члены решили бороться с коррупцией, блюсти моральную чистоту правительства. У нас вызвали отвращение жадность, взяточничество и моральное разложение многих азиатских лидеров. Борцы за свободу угнетенных народов стали грабителями их богатств, их государства приходили в упадок. Мы поднялись на гребне революционной волны в Азии и были полны решимости избавиться от колониального правления; но мы также с негодованием относились к тем националистическим азиатским лидерам, чья неспособность жить в соответствии с провозглашенными идеалами разочаровывала нас. После войны я встречал в Англии студентов из Китая, горевших желанием избавиться от коррупции и некомпетентности китайских националистических лидеров. Гиперинфляция и тотальное разграбление страны привели этих лидеров к поражению и бегству на Тайвань. Именно отвращение к жадности, продажности и безнравственности этих людей сделало многих китайских студентов в Сингапуре сторонниками коммунистов. Студенты воспринимали коммунистов, как пример преданности делу, самопожертвования, самоотдачи, – достоинств, которые проявлялись в спартанском образе жизни коммунистических лидеров. Такая точка зрения в то время преобладала. Перед всеобщими выборами, проходившими в мае 1959 года, мы приняли важное решение: выдвинуть на первый план борьбу с коррупцией. Правительство Лим Ю Хока (Lim Yew Hock) (1956–1959) становилось все более коррумпированным. Министр просвещения этого правительства Чью Сви Ки (Chew Swee Kee) получил миллион сингапурских долларов из американских источников для борьбы с коммунистами на предстоящих выборах. Широко распространились слухи о меньших суммах, которые переходили из рук в руки по причинам, не связанным с идеологией. Мы опасались за исход выборов, потому что чувствовали себя неподготовленными и недостаточно организованными, чтобы бороться с коммунистами, которые, в случае нашей победы на выборах, стали бы бороться с нами. Но оставить эту группу негодяев у власти на следующий пятилетний срок означало бы заразить коррупцией и тех государственных служащих, которые, в целом, были честными людьми. Случись это, мы бы уже не смогли управлять государством. Мы решили бороться за победу. Искушения есть повсюду, не только в Сингапуре. К примеру, первыми официальными лицами, с которыми сталкиваются иностранцы при въезде в страну, являются служащие эмиграционных и таможенных служб. Во многих аэропортах стран Юго-Восточной Азии путешественники сталкиваются с задержками при прохождении таможенного и эмиграционного контроля, которые возникают, если не находится соответствующих стимулов для ускорения этих процедур, зачастую в виде наличных. То же самое происходит на дорогах: будучи остановленным полицейским за предполагаемое превышение скорости, водители передают им свое водительское удостоверение вместе с определенной суммой в долларах, чтобы избежать наказания. Вышестоящие служащие также не подают достойного примера. Во многих городах региона даже госпитализация после дорожно-транспортного происшествия требует дачи взятки, чтобы поскорей привлечь к себе внимание. Небольшая власть, данная людям, которые не могут достойно прожить на свое жалованье, создает стимулы для ее неправильного использования. Наша борьба за чистое, не коррумпированное правительство имела глубокий смысл. Принимая присягу в здании муниципалитета в июне 1959 года, мы все надели белые рубашки и 99 брюки, что должно было символизировать честность и чистоту нашего поведения в личной и общественной жизни. Люди ожидали этого от нас, и мы хотели оправдать их ожидания. Коммунисты демонстрировали свою близость с рабочим классом, одеваясь в простые рубашки со свободными рукавами и брюки, пользуясь автобусами и такси, проживая в небольших комнатах в зданиях профсоюзов, отдавая детей в школы с преподаванием на китайском языке. Они высмеивали мой кабинет и дом, оборудованные кондиционерами, мою большую американскую машину «Студэбэкер» (Studebaker), мою привычку играть в гольф и пить пиво, мое буржуазное происхождение и кембриджское образование. Но они не могли обвинить меня и моих коллег в том, что мы наживались за счет рабочих и профсоюзов, которым мы помогали. Все министры моего правительства, кроме одного, получили университетское образование. Мы все были вполне уверены, что смогли бы обеспечить себя средствами к существованию и не работая в правительстве, – мне и подобным мне профессионалам это было вполне по силам. Поэтому у нас не было необходимости запасать что-либо впрок. Еще важнее было то, что у большинства из нас

работали жены, которые могли бы содержать семью, если бы мы находились в заключении или отсутствовали. Это и сформировало отношение к работе у моих министров и их жен. А поскольку министры вызывали уважение и доверие людей, то и государственные служащие вели себя с достоинством и принимали решения с уверенностью. Это было критически важно в нашей борьбе против коммунистов. С самого первого дня нашего нахождения у власти в июне 1959 года мы добились того, что каждый доллар, поступавший в бюджет, был надлежащим образом учтен и доходил до своих получателей до единого цента, не прилипая по пути к чьим-либо рукам. С самого начала мы уделяли специальное внимание тем видам деятельности, где властные полномочия могли быть использованы для извлечения личной выгоды, и усилили контроль за тем, чтобы этого не происходило. Главным органом, который занимался борьбой с коррупцией, было Бюро по расследованию коррупции (БРК – Corrupt Practices Investigation Bureau). Оно было основано англичанами в 1952 году для борьбы с растущей коррупцией, особенно в нижних и средних эшелонах полиции, среди инспекторов, контролировавших лоточную торговлю, инспекторов по землеустройству, которые по долгу службы должны были бороться со многими из тех, кто нарушал закон, занимая общественные места и дороги для нелегальной лоточной торговли или занимая государственную землю для строительства хижин. Эти инспектора могли либо принять предусмотренные законом меры, либо, получив взятку, отвернуться в сторону и не замечать нарушений. Мы решили сосредоточить внимание БРК на крупных взяточниках в высших эшелонах власти. С мелкой сошкой мы намеревались бороться путем упрощения процедур принятия решений и удаления всякой двусмысленности в законах путем издания ясных и простых правил, вплоть до отмены разрешений и лицензирования в менее важных сферах общественной жизни. Так как мы столкнулись с проблемой осуждения коррупционеров в судах, мы стали постепенно ужесточать законы. В 1960 году мы изменили устаревший «Закон о борьбе с коррупцией» (Anticorruption Law), принятый в 1937 году, и расширили определение взятки так, что оно стало включать любые блага, имевшие какую-либо стоимость. Поправки к законам дали широкие полномочия следователям, включая поиск, арест и расследование банковских счетов и банковских документов подозреваемых и их жен, детей и агентов. Отпала необходимость доказывать, что человек, получивший взятку, действительно имел возможность оказать требуемую услугу. Налоговые инспектора обязаны были выдавать любую информацию, касающуюся подследственного. Существовавший закон, который гласил, что показания сообщника были недействительны, если не подтверждались еще кем-либо, был изменен, чтобы позволить судье приобщать показания сообщников к делу. Наиболее важное изменение в законе, сделанное нами в 1960 году, позволяло судам трактовать то обстоятельство, что обвиняемый жил не по средствам или располагал объектами собственности, которые он не мог приобрести на свои доходы, как подтверждение того, что обвиняемый получал взятки. Директор БРК, работая под эгидой канцелярии премьер – министра, обладал острым чутьем и властью расследовать действия любого служащего и 100 любого министра. Он справедливо заслужил репутацию борца с теми, кто предал доверие людей. С 1963 года мы ликвидировали анонимность, то есть ввели обязательное правило для свидетелей, вызываемых БРК для дачи информации, представить себя. В 1989 году мы увеличили максимальный штраф, налагающийся за коррупцию, с 10,000 до 100,000 сингапурских долларов. Дача ложных показаний БРК или введение следствия в заблуждение стало нарушением, каравшимся тюремным заключением и штрафом до 10,000 сингапурских долларов. Суды были уполномочены проводить конфискацию доходов, полученные в результате коррупции. В некоторых сферах коррупция была организованной и приняла большие масштабы. В 1971 году БРК прекратил существование синдиката, состоявшего из более чем 250 передвижных полицейских патрулей, которые получали платежи в размере от 5 до 10 сингапурских долларов с владельцев грузовиков, чьи транспортные средства они распознавали по адресам, написанных на бортах грузовиков. Те владельцы грузовиков, которые отказывались платить, находились под угрозой бесконечных штрафов. Таможенные чиновники получали взятки за «ускорение» проверки транспортных средств, перевозивших контрабанду и запрещенные товары. Персонал Центральной службы обеспечения (Central Supplies Office – правительственный департамент, занимавшийся заготовками и поставками) за определенную мзду давал заинтересованным лицам информацию о заявках, поступивших на тендер. Чиновники Импортно-экспортного департамента (Import and Export Department) получали взятки за ускорение выдачи разрешений. Подрядчики давали взятки

клеркам, чтобы те закрывали глаза на определенные нарушения. Владельцы магазинов и жители домов платили рабочим Департамента общественного здравоохранения за уборку мусора. Директора и учителя некоторых китайских школ получали комиссионные от поставщиков канцелярских товаров. Человеческая изобретательность практически бесконечна, когда дело касается конвертации власти в личную выгоду. Избавиться от этого организованного рэкета было не слишком трудно. Труднее было обнаружить изолированные акты коррупции, а, обнаружив – бороться с ними. Серьезные случаи коррупции попадали на полосы газет. Несколько министров были признаны виновными в коррупции, – по одному за каждое десятилетие, – начиная с 60-ых до 80-ых годов. Тан Киа Ган (Tan Kia Gan) был министром национального развития, пока не проиграл на выборах в 1963 году. Мы тесно сотрудничали с начала 50-ых годов, когда он был лидером профсоюза инженеров авиакомпании «Мэлэйжиэн эйрвэйз» (Malaysian Airways), а я работал там в качестве юридического советника. Мы назначили его директором «Мэлэйжиэн эйрвэйз». На заседании правления в августе 1966 года Тан категорически возражал против покупки самолетов «Боинг» (Boeing). Через несколько дней господин Лим (Lim) связался с «Ферст нэшенэл сити бэнк» (First National City Bank), который обслуживал счета компании «Боинг», чтобы предложить свои услуги за вознаграждение. Он был деловым партнером Тан Киа Гана. Банк знал о строгом отношении правительства к коррупции и заявил о случившемся. Лим отказался дать показания против Тан Киа Гана, и Тан не был наказан. Но я был убежден, что Тан стоял за этим. Как ни болезненно и неприятно было мне принимать такое решение, я выступил с заявлением, в котором сказал, что, в качестве представителя правительства в правлении «Мэлэйжиэн эйрвэйз» Тан не был безупречен в выполнении своих обязанностей. Я уволил его с поста председателя правления и всех других постов, которые он занимал. Ким Сан сказал мне, что Тан сильно опустился и не мог ничего делать, потому что подвергся остракизму. Мне было грустно, но у меня не было другого выхода. Ви Тун Бун (Wee Toon Boon) был министром министерства охраны окружающей среды в 1975 году, когда он совершил поездку в Индонезию со своей семьей. Поездка была оплачена подрядчиком, строившим жилье, интересы которого он представлял перед государственными служащими. Он также получил от этого подрядчика особняк стоимостью 500,000 сингапурских долларов, а также два кредита на имя его отца на общую сумму 300,000 сингапурских долларов для спекуляций на фондовом рынке, которые были выданы под гарантии этого подрядчика. Ви Тун Бун был преданным некоммунистическим лидером, начиная с 50-ых годов, поэтому мне было больно стоять перед ним и выслушивать неубедительные попытки доказать свою 101 невиновность. Он был обвинен, осужден и приговорен к четырем годам и шести месяцам тюрьмы. Он обжаловал приговор, но обвинение было оставлено в силе, хотя срок заключения и был уменьшен до 18 месяцев. В декабре 1979 года нас неожиданно постигла серьезная неудача, когда президент НКПС и член парламента от ПНД Фей Ю Кок (Phey Yew Kok) был обвинен по четырем эпизодам в преступном злоупотреблении властью. Общая сумма ущерба оценивалась в 83,000 сингапурских долларов. Он также был обвинен по двум эпизодам, подпадавшим под действие «Закона о профсоюзах» (Trade Unions Act) за инвестирование 18,000 долларов, принадлежавших профсоюзам, в частный супермаркет без одобрения министра. В рамках обычной судебной практики он был освобожден под залог. Деван Наир, бывший Генеральный секретарь НКПС, был близким Фей Ю Коку человеком и верил в его невиновность. Он хотел, чтобы БРК пересмотрело этот случай, утверждая, что невиновный человек был осужден путем предъявления фальшивых обвинений. Я читал материалы расследования и разрешил БРК продолжить его. Он был настолько убежден в невиновности Фей Ю Кока и так озабочен потерей ценного помощника в профсоюзном движении, что однажды в субботу, за завтраком, стал запальчиво убеждать меня пересмотреть дело. Я позвонил директору БРК в его присутствии и попросил его сразу после завтрака показать Деван Наиру, при условии соблюдения строгой конфиденциальности, доказательств, которые он имел против Фей Ю Кока. После того, как Диван прочитал свидетельские показания, он больше не беспокоил меня. Фей Ю Кок был освобожден под залог в 50,000 сингапурских долларов, сбежал, и два его поручителя потеряли эту сумму, так как он никогда больше не вернулся в Сингапур. Мы слышали, что он влачил жалкое существование в Таиланде, постоянно шантажируемый полицейскими и эмиграционными властями. Наиболее драматичным был случай с министром национального развития Те Чин Ваном. В ноябре 1986 года один из его старых партнеров на допросе в БРК признал, что дал Те Чин Вану две суммы наличными по 400,000 сингапурских

долларов каждая: в одном случае, чтобы позволить строительной компании оставить за собой часть земли, которая предназначалась для обязательной передачи правительству, а во втором случае, – чтобы помочь подрядчику в приобретении государственной земли для нужд частного строительства. Эти взятки имели место в 1981–1982 годах. Те Чин Ван отрицал получение взяток и пытался торговаться со старшим помощником БРК, чтобы делу не давали ход. Секретарь правительства сообщил мне об этом и сказал, что Те Чин Ван попросил о встрече со мной. Я сказал, что не смогу встретиться с ним до тех пор, пока расследование не будет закончено. Через неделю, утром 15 декабря 1986 года, офицер безопасности сообщил мне, что Те Чин Ван умер и оставил мне письмо: «В течение последних двух недель я был очень печален и находился в состоянии депрессии. Я чувствую свою ответственность за возникновение этого неприятного инцидента, и полагаю, что я должен ответить за это в полной мере. Как благородный восточный джентльмен я считаю, что будет справедливо, если я заплачу за свою ошибку самую высокую цену. Искренне Ваш, Те Чин Ван». Я посетил вдову и увидел его тело, лежавшее в кровати. Она сказала, что ее муж служил правительству на протяжении всей своей жизни и хотел спасти свою честь. Она спросила, возможно ли было не проводить вскрытия тела, но это было бы возможно лишь в том случае, если бы она получила от доктора заключение о том, что покойный умер в результате естественных причин. Вскрытие показало, что он покончил с собой в результате отравления амиталом натрия (sodium amytal). Оппозиция подняла этот вопрос и потребовала создания комиссии по расследованию. Я немедленно согласился. Огласка была столь болезненна для его жены и дочери, что они покинули Сингапур и уже никогда и не вернулись в город. Они потеряли лицо. Нам удалось добиться того, что общественное мнение рассматривало коррупцию в правительстве в качестве угрозы обществу. Те Чин Ван предпочел самоубийство позору и остракизму. Я так никогда и не смог понять, зачем он взял эти 800,000 долларов. Он был очень способным и трудолюбивым архитектором и мог бы честно заработать миллионы, занимаясь 102 частной практикой. Начать с проповеди высоких моральных принципов, твердых убеждений и самых лучших намерений искоренить коррупцию – легко. А вот жить в соответствии с этими добрыми намерениями – трудно. Для этого требуются сильные лидеры и решимость бороться со всеми нарушителями, безо всяких исключений. Служащие БРК должны были располагать полной поддержкой политического руководства, чтобы действовать без страха и в соответствии с законом. Институт развития управления (The Institute of Management Development) в своем ежегодном обзоре конкурентоспособности стран мира за 1997 год (World Competitiveness Yearbook 1997) ранжировал все страны мира по уровню коррупции в них, используя десятибалльную шкалу. Страна, в которой коррупция полностью отсутствовала, получала 10 баллов. Сингапур оказался наименее коррумпированной страной Азии и получил 9.18 балла, опередив Гонконг, Японию и Тайвань. В 1998 году организация «Транспарэнси интернэшнэл» (Transparency International) поместила Сингапур в число семи наименее коррумпированных государств мира. «Процент», «вознаграждение», «бакшиш», «грязь», – как бы ни называли коррупцию на местном жаргоне, суть остается одной и той же, – коррупция является одной из черт азиатского образа жизни. Люди открыто принимают вознаграждение, это является частью их жизни. Министры и должностные лица не могут прожить на свое жалование так, как того требует их положение. Чем выше должность, тем больше их дома, тем более многочисленны их жены, любовницы или сожительницы, украшенные драгоценностями в соответствии с положением и влиянием их мужчин. Сингапурцы, которые занимаются бизнесом в таких странах, должны быть начеку, чтобы не занести подобные привычки домой. Когда китайские коммунисты пришли к власти, они выставляли напоказ свою полную честность и преданность делу. В 50-ых и 60-ых годах китайские официанты и горничные возвращали любые вещи, забытые посетителями в гостиницах, даже те, которые гости оставляли специально. Так они демонстрировали полное отсутствие материальной заинтересованности. Во время «культурной революции», в 1966–1976 годах, эта система была разрушена. Фаворитизм, кумовство и коррупция проникли довольно высоко. Все общество деградировало по мере того, как оппортунисты, маскировавшиеся под революционеров, делали головокружительные карьеры («helicopter promotion») путем предательства и преследования своих коллег и руководителей. Ситуация еще более ухудшилась, когда в 1978 году Китай провозгласил политику «открытых дверей». Многие коммунистические активисты почувствовали себя обманутыми и стремились любыми путями компенсировать себя за прошедшие впустую лучшие годы их жизни. То же самое

случилось и с коммунистами во Вьетнаме. После того, как в конце 80-ых годов вьетнамцы открыли страну для иностранных инвестиций и стали развивать свободную рыночную экономику, вирус коррупции поразил Коммунистическую партию. Оба режима, когда-то гордившиеся полной самоотверженностью коммунистов и их преданностью коммунистическому делу, были поражены коррупцией в большей степени, чем любая из тех приходивших в упадок капиталистических азиатских стран, которые они так любили критиковать и высмеивать. Необходимым предварительным условием для существования честного правительства является то, что кандидатам на правительственные посты не требуются большие деньги, чтобы добиться избрания, иначе они приводят в действие порочный круг коррупции. Высокая стоимость выборов являлась и является проклятием многих азиатских стран. Затратив значительные средства на избирательную кампанию, победители должны не только вернуть потраченные деньги, но и накопить средства для следующих выборов. Эта система воспроизводит себя вновь и вновь. В 90-ых годах для избрания в Законодательное собрание (Legislative Yuan) Тайваня некоторые кандидаты от правящей партии Гоминьдан (КМТ – Kuomintang) тратили порядка 10–20 миллионов долларов. Добившись избрания, они должны были вернуть затраты и подготовиться к следующим выборам, используя свое влияние на правительственных министров и официальных лиц, добиваясь от них одобрения контрактов или выведения земли из сельскохозяйственного оборота для нужд промышленного или городского строительства. Бывший государственный министр Таиланда назвал такую систему 103 «коммерческой демократией» (commercial democracy), а избранных – «купленными мандатами» (purchased mandate). В 1996 году примерно 2,000 кандидатов истратили на проведение выборов порядка 13 миллиардов батов (1.2 миллиарда долларов США). Одного из премьер-министров называли «мистер банкомат», потому что он был широко известен раздачей денег кандидатам и избирателям. В ответ премьер-министр заявил, что он являлся не единственным банкоматом в стране. В Малайзии лидеры ОМНО называют эту систему «денежной политикой» (money politics). В своей речи перед партийными делегатами в октябре 1996 года премьер – министр страны доктор Махатхир Мохамад (Dr. Mahathir Mohamad) отметил, что некоторые депутаты, стремившиеся попасть на высокие должности «предлагали взятки делегатам» в обмен на голоса. Доктор Махатхир выразил сожаление по поводу существования «денежной политики» и даже расплакался, убеждая делегатов партии «не позволить взяточничеству разрушить малайскую расу, религию и нацию». Согласно сообщениям малайских информационных агентств, в 1993 году, во время пика избирательной кампании, перед конференцией делегатов ОМНО, «Бэнк Негара» (Bank Negara) испытывал дефицит банкнот номиналом в 1,000 и 5,000 малайзийских ринггитов. Индонезия стала хрестоматийным примером коррупции в таких масштабах, что индонезийские средства массовой информации даже изобрели специальный термин «СКК» (сговор, коррупция, кумовство). Дети президента Сухарто, его друзья и сподвижники подавали в этом пример, сделав «СКК» неотъемлемой частью индонезийской культуры. Американские средства массовой информации оценивали состояние семейства Сухарто в 42 миллиарда долларов, до того как его стоимость резко упала в результате финансового кризиса 1997 года. Коррупция стала еще хуже при президенте Хабиби (Habibi). Министры и должностные лица, испытывая неуверенность в том, удастся ли им сохранить свое положение после выборов нового президента, старались максимально использовать отведенное им время. Помощники Хабиби накопили огромные фонды для покупки голосов депутатов Народного совещательного собрания (НСС – People's Consultative Assembly), чтобы добиться своего переизбрания. Согласно некоторым сообщениям, цена одного голоса в парламенте установилась на уровне четверти миллиона долларов. Самой дорогой является японская избирательная система. Заработная плата и дотации на покрытие расходов, получаемые министры и члены японского парламента (Diet), невелики. При этом члену японского парламента требуется более миллиона долларов в год, чтобы содержать штат своих помощников в Токио и в избирательном округе, а также делать подарки избирателям ко дню рождения, к свадьбе и на похоронах. В год, когда проводятся выборы, депутату необходимо более пяти миллионов долларов. В финансовом отношении депутат зависит от лидера своей фракции. Поскольку власть, которой располагает лидер фракции, зависит от числа членов парламента, которых он поддерживает и которые от него зависят, то ему необходимо сосредотачивать в своих руках огромные суммы денег, чтобы финансировать своих сторонников во время выборов. Сингапуру удалось избежать использования денег в избирательной борьбе. В 1959 году, будучи лидером

оппозиции, я убедил премьер – министра Лим Ю Хока сделать голосование обязательным и запретить практику использования автомобилей для доставки избирателей на избирательные участки. После прихода к власти мы очистили политику от влияния триад (triad – китайская мафия). Наши самые опасные конкуренты, коммунисты, не пользовались деньгами, чтобы заполучить голоса. Наши собственные издержки на ведение избирательных кампаний были невелики, намного ниже уровня, разрешенного законом. Поэтому у партии не было необходимости пополнять казну после выборов, а в период между выборами мы не раздавали подарков избирателям. Мы добивались того, что люди вновь и вновь голосовали за нас тем, что создавали рабочие места, строили школы, больницы, общественные центры и, что было важнее всего, дома, которыми они владели. Эти социальные блага изменили жизнь людей и убедили их в том, что будущее их детей – с ПНД. Оппозиционные партии также не нуждались в деньгах. Они побеждали наших депутатов, потому что избиратели хотели, чтобы оппозиция в парламенте оказывала давление на правительство. Западные либералы доказывали, что полностью свободная пресса выставит коррупцию 104 напоказ и сделает правительство чистым и честным. До сих пор свободная и независимая пресса в Индии, на Филиппинах, в Таиланде, на Тайване, в Южной Корее и Японии не смогла остановить распространяющуюся и глубоко укоренившуюся в этих странах коррупцию. Наиболее ярким примером того, как свободные средства массовой информации становятся частью коррумпированной системы, построенной их владельцем, является пример с бывшим премьер – министром Италии Сильвио Берлускони (Silvio Berlusconi).¹³ Он является владельцем большой сети средств массовой информации, но при этом сам находился под следствием и был обвинен в коррупции еще до того, как стал премьер – министром. С другой стороны, Сингапур продемонстрировал, что система чистых, свободных от денег выборов помогает сохранить честное правительство. Правительство Сингапура сможет оставаться чистым и честным только в том случае, если честные и способные люди будут проявлять желание бороться на выборах и занимать официальные должности. Для этого необходимо платить им заработную плату, сопоставимую с той, которую человек, обладающий их способностями и честностью мог бы заработать, занимая должность управляющего крупной корпорацией, или занимаясь частной юридической либо иной профессиональной практикой. Эти люди так управляли экономикой Сингапура, что она в среднем росла на 8–9% в год на протяжении последних двух десятилетий, в результате чего, по данным Мирового банка, в 1995 году Сингапур вышел по уровню ВВП на душу населения на девятое место в мире. У представителей первого поколения лидеров Сингапура честность была привычкой. Мои коллеги отвергли бы любую попытку подкупить их. Они подвергали свою жизнь опасности, добиваясь власти не для того, чтобы разбогатеть, а для того, чтобы изменить общество. Но воспроизвести этих людей было нельзя, потому что нельзя было воспроизвести те условия, в которых они стали такими. Наши последователи становились министрами, выбирая такую карьеру из числа многих других, причем работа в правительстве не являлась самым привлекательным выбором. Если недоплачивать способному человеку, занимающему должность министра, то сложно будет ожидать от него, чтобы он проработал на такой должности долгое время, зарабатывая лишь часть того, что он мог бы заработать в частном секторе. В условиях быстрого экономического роста и постоянного увеличения заработной платы в частном секторе заработная плата министров должна была быть сопоставимой с заработной платой руководителей их уровня в частном секторе. Малооплачиваемые министры и государственные служащие разрушили не одно азиатское правительство. Адекватное вознаграждение жизненно важно для поддержания честности и морали у политических лидеров и высших должностных лиц. Во время бюджетных прений в марте 1985 года я столкнулся с оппозицией увеличению заработной платы министров. Член парламента от Рабочей партии Д.Б.Джеяретнам сравнил мой месячный заработок (29,000 сингапурских долларов) с заработной платой премьер – министра Малайзии, который получал только 10,000 сингапурских долларов, а «чистыми» – только 9,000 долларов. Я привел дополнительное сравнение и указал, что ежегодное жалование президента Филиппин Маркоса (Marcos) составляло только 100,000 песо или 1,000 сингапурских долларов в месяц, а президент Индонезии, управлявший страной с населением 150 миллионов человек, ежемесячно получал 1,200,000 рупий или 2,500 сингапурских долларов. Тем не менее, они были куда богаче меня. Лидер Индонезии сохранил за собой свою резиденцию и после отставки; премьер – министру Малайзии предоставляли дом или землю для строительства частного дома; моя официальная резиденция

принадлежала правительству. У меня не было никаких льгот, не было автомобиля, не было водителя, как не было и садовников, поваров и прочей прислуги. Я установил практику, при которой премьер – министр и другие министры ежемесячно получали определенную сумму денег и сами решали, на что ее потратить. Я также упомянул о разрыве в оплате труда в Китайской Народной Республике, где минимальная заработная плата составляла 18 юаней, а максимальная – 560 юаней. Таким образом, соотношение между ними было примерно 1:31. Но это не отражало разрыва в качестве жизни между наименее оплачиваемыми работниками и наиболее высокооплачиваемыми

13 Прим. пер.: В мае 2001 года Сильвио Берлускони был вновь избран премьер – министром Италии 105 руководителями, которые жили за стенами Чжуннаньхая (Zhongnanhai), неподалеку от «Запретного города» (Forbidden City). Это соотношение также не принимало во внимание ни того, что возможности приобретения товаров и услуг были различны, ни наличия поваров, прислуги и элитного медицинского обслуживания. В целом это вело к различному качеству жизни. Показной эгалитаризм – хорошая политика. В течение десятилетий люди носили однотипные жакеты и брюки в стиле Мао, одного и того же плохого покроя, пошитые якобы из одного и того же материала. На самом же деле, существовали различные типы жакетов. Один из провинциальных лидеров, отвечавший за развитие туризма, объяснил одному из моих министров, что, хотя они выглядели практически одинаковыми, на самом деле качество ткани было различным. Для иллюстрации он расстегнул свой жакет и показал, что тот был на меховой подкладке. Стремление завоевать общественную поддержку, как правило, побуждает правительство, находящееся у власти, поменьше платить своим министрам. При этом стоимость жилищных льгот, покрытие текущих расходов и затрат на пользование автомобилем, путешествия, расходов на образование детей зачастую превышает размеры их жалования. Во время неоднократных дискуссий в парламенте в 80-ых-90-ых годах я указывал, что заработная плата министров и других политических деятелей в Великобритании, в США и в большинстве стран Запада не поспевала за темпами экономического роста. Подразумевалось, что люди, которые приходили в политику, располагали частными средствами. Действительно, в довоенной Англии людей без собственного источника дохода можно было встретить в парламенте крайне редко. Хотя это больше и не является правилом в Великобритании или США, тем не менее, наиболее способные люди слишком заняты и слишком много зарабатывают, чтобы стремиться попасть в правительство. В США высокооплачиваемые представители частного сектора назначаются президентом в правительство на один или два срока (4–8 лет). После этого они возвращаются в частный сектор и работают в качестве адвокатов или руководителей компаний. Зачастую они становятся лоббистами чьих-либо интересов, и их «ценность» значительно возрастает, ибо они имеют свободный доступ к ключевым фигурам в администрации президента. Такая система «вращающихся дверей» (revolving door) казалась мне нежелательной. После получения независимости я заморозил заработную плату министров и ограничил рост заработной платы работников госсектора, чтобы успешней бороться с безработицей и экономическим спадом, а также, чтобы подать пример самоограничения. Когда к 1970 году мы решили проблему безработицы, и всем стало немного легче, я увеличил жалование министров с 2,500 до 4,500 сингапурских долларов в месяц. Я оставил собственное жалование неизменным (3,500 сингапурских долларов в месяц), чтобы напомнить работникам госсектора, что некоторое самоограничение все еще было необходимо. Каждые несколько лет я вынужден был увеличивать жалование министров, чтобы сократить нарастающий отрыв в оплате их труда по сравнению с частным сектором. В 1978 году доктор Тони Тан (Dr. Tony Tan) занимал должность генерального директора крупного местного банка «Овэрсиз чайниз бэнкинг корпорэйшен», при этом его зарплата составляла 950,000 сингапурских долларов в год. Я убедил его уйти в отставку и занять пост государственного министра, предложив зарплату, которая составляла менее трети его жалования, не считая потери льгот, наиболее ценной из которых было наличие автомобиля с шофером. Министр коммуникаций Он Тен Чеон также многим пожертвовал, бросив карьеру преуспевающего архитектора во время строительного бума. В 1994 году, будучи уже старшим министром, я внес на рассмотрение парламента предложение о внедрении правительством системы, согласно которой пересмотр жалования министров, судей и высших государственных служащих стал бы автоматическим, привязанным к сумме налогов на доходы, уплачиваемых частным сектором. Экономика Сингапура росла на 7-10 % в год на протяжении двух десятилетий, и увеличение заработной платы в государственном секторе всегда отставало от частного сектора на 2–3 года. В

1995 году премьер – министр Го Чок Тонг остановился на предложенной мною формуле, которая увязывала жалование министров и высших государственных служащих с заработной платой 106 работников сопоставимого ранга в частном секторе. Это позволяло автоматически увеличивать им заработную плату, поскольку доходы в частном секторе постоянно росли. Это изменение в системе оплаты труда, устанавливавшее заработную плату работников госсектора на уровне 2/3 дохода работников частного сектора сопоставимого ранга, показанного ими в налоговых декларациях, вызвало острую полемику. Особенно недовольны были специалисты, работавшие в частном секторе, ибо они считали, что зарплата наших министров, в этом случае, будет совершенно непропорциональна той, которую получают правительственные чиновники в наиболее развитых странах. Люди настолько привыкли к существованию государственных служащих, получавших скромное жалование, что им казалась неуместной сама мысль о том, что министр не только обладает властью, но что его труд также должен оплачиваться в соответствии с важностью его работы. Я помог премьер – министру обосновать эти изменения. Мы отвергли аргументы оппонентов, которые доказывали, что та честь, которую общество оказывает министрам, доверяя им право занимать высокую должность и распоряжаться связанной с ней властью, уже являлась более чем достаточным вознаграждением. Они настаивали на том, что служба обществу должна всегда влечь за собой потерю в доходах. Я полагал, что, при всем его благородстве, такой подход нереалистичен и является самым верным средством не позволить министрам занимать должности на протяжении длительного времени. А ведь именно непрерывность и преемственность в исполнении служебных обязанностей и накопленный таким образом опыт давал нам большое преимущество и являлся сильной стороной правительства Сингапура. Опыт и здравый смысл наших министров, который правительство продемонстрировало при принятии своих решений, было результатом их способности мыслить и планировать на долгосрочную перспективу. Хотя оппозиция сделала вопрос о жаловании министров важным пунктом предвыборной борьбы, результаты всеобщих выборов, проходивших 18 месяцев спустя, показали, что премьер – министр сохранил поддержку избирателей. Люди хотят видеть у власти честное, хорошее, чистое правительство, которое добивается реальных результатов, – а это именно то, что обеспечивала им ПНД. Принять на работу в правительство талантливого человека из частного сектора теперь стало легче. До того, как была введена новая схема оплаты труда, лучшие адвокаты зарабатывали от 1 до 2 миллионов сингапурских долларов в год, в то время как судьям платили меньше 300,000. Без такого изменения в системе оплаты труда мы никогда не смогли бы привлечь некоторых из наших лучших адвокатов на должности судей. Мы также привели жалование докторов и других специалистов в правительственных учреждениях в соответствии с жалованием их коллег, занимающихся частной практикой. Эта формула не означает ежегодного автоматического увеличения жалования, потому что доходы частного сектора то повышаются, то понижаются. Когда в 1995 году доходы в частном секторе снизились, в 1997 году было соответственно уменьшено и жалование всех министров и высших должностных лиц. Чтобы застраховаться от необдуманного избрания в правительство менее честных и благородных людей, в августе 1984 года, в речи на собрании, посвященном Национальному празднику Сингапура, я предложил избирать президента страны. Он являлся бы хранителем национального достояния, а также имел бы полномочия для того, чтобы отменять распоряжения премьер – министра, если бы тот препятствовал расследованию дел по подозрению в коррупции против себя, министров и высших государственных служащих. Президент также имел бы право накладывать вето при назначении на должности Верховного судьи, начальника Генерального штаба и начальника полиции. Такому президенту требовался бы независимый мандат избирателей. Многие полагали, что я готовил этот пост для себя, чтобы занять его после того, как я уйду с должности премьер – министра. На самом деле, у меня не было никакого интереса к этой должности, потому что для человека моего склада это была бы слишком пассивная работа. Это предложение и его возможные последствия обсуждались в «Белой книге» (white paper) парламента в 1988 году. Несколько лет спустя, в 1992 году, премьер – министр Го Чок Тонг изменил конституцию и ввел пост избираемого президента. Мы должны были поддерживать правильный баланс между властью президента и властью премьер – министра и правительства. Когда страны Восточной Азии – от Южной Кореи до Индонезии – были опустошены 107 финансовым кризисом 1997 года, коррупция и кумовство только ухудшили их проблемы. Сингапур легче перенес этот кризис, потому что у нас не было коррупции и кумовства, которые причинили другим странам

многомиллиардные убытки. Те высокие моральные стандарты, которые мы установили, позволили премьер – министру Го Чок Чону назначить расследование покупки двух объектов недвижимости, сделанных в 1995 году моей женой на мое имя и моим сыном Ли Сьен Лунгом, заместителем премьер – министра. Они оба получили от застройщика скидки в размере 5 % – 7 % при покупке недвижимости. Застройщик предоставлял скидки в размере 5 % – 10 % и другим покупателям, – так он прощупывал рынок в период относительного застоя. Сразу после приобретения этих объектов недвижимости в сфере недвижимости начался бум, и цены на рынке недвижимости резко поднялись. Те, кто не успел приобрести недвижимость в период относительного застоя на рынке, обратились с жалобой в комитет Фондовой биржи Сингапура, ибо акции данной компании по торговле недвижимостью котировались на фондовом рынке. В результате расследования ФБС пришла к выводу, что при совершении этих сделок закон нарушен не был. Поскольку мой брат был одним из директоров этой компании, то распространились слухи, что я и мой сын нечестно нажились на покупке недвижимости. Управление монетарной политики Сингапура провело расследование и доложило премьер – министру Го Чок Тонгу, что в получении нами скидок не было ничего незаконного. Чу была возмущена неуместностью обвинений. Она работала адвокатом на протяжении 40 лет, и знала, что предоставление скидок было обычной практикой при торговле недвижимостью. Я тоже негодовал и решил развеять подозрения в незаконной деловой активности путем предания гласности сведений о наших приобретениях и скидках. Мы уплатили стоимость скидок, составивших около миллиона сингапурских долларов, министру финансов, т. е. правительству. Премьер – министр приказал вернуть нам эти деньги, потому что он убедился, что в этих сделках не было ничего незаконного, и правительство не могло претендовать на эти деньги. Лунг и я не хотели, чтобы дело выглядело таким образом, что мы извлекали выгоду из родственных отношений с братом, являвшимся директором компании по торговле недвижимостью и решили перечислить миллион сингапурских долларов на благотворительные нужды. Я попросил, чтобы премьер – министр поднял этот вопрос в парламенте, чтобы всесторонне обсудить проблему. Во время дебатов члены парламента от оппозиции, включая двух адвокатов, один из которых являлся лидером оппозиции, заявили, что, согласно их опыту работы, предоставление таких скидок было стандартной маркетинговой практикой, а потому в наших приобретениях не было ничего незаконного. В результате столь открытого и полного обсуждения данного инцидента годом спустя, на всеобщих выборах, этот вопрос даже не поднимался. Выступая в парламенте, я отметил, что тот факт, что созданная мною система позволила расследовать и предать гласности мои собственные действия, доказал, что она была беспристрастной и эффективной. Перед законом у нас все равны.

Глава 13. Озеленение Сингапура В 1976 году, во время моего первого посещения Большого Дворца Народов (Great Hall of the People) в Пекине, я заметил в нем плевательницы. Китайские лидеры действительно пользовались ими. В 1977 году, когда Дэн Сяопин посетил Сингапур, мы также поставили рядом с его стулом в зале заседаний бело-голубую плевательницу эпохи династии Мин (Ming), но он не пользовался ею. Очевидно, он заметил, что китайцы в Сингапуре не плевались. В 1980 году, во время моего следующего визита, я заметил, что плевательницы из Большого Дворца Народов были убраны. Несколько лет спустя, когда я обедал в Сингапуре с членом Госсовета КНР, отвечавшим за экономические вопросы, я упомянул, что китайцы перестали пользоваться плевательницами в Большом Дворце Народов. Он усмехнулся и сказал, что они действительно удалили плевательницы из зала приемов, но все еще пользовались ими в своих кабинетах, – привычка была слишком старой, чтобы от нее отказаться. Я начал кампанию против плеванья в 60-ых годах, но еще и в 80-ых годах некоторые водители плевали из окон машин, а некоторые люди все еще продолжали сплевывать в